

Виктор Портнов

КАРАБАХ

Виктор Портнов

Карабах

«Издательские решения»

Портнов В.

Карабах / В. Портнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906127-0

В этом небольшом очерке хотелось рассказать не о войнах и национальных распрях, к которым в последнее время мы все уже привыкли, получая их в сводках из средств массовой информации. Был ведь и другой Кавказ, о котором все больше забывают.

ISBN 978-5-44-906127-0

© Портнов В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1 поезд, дорога	8
Глава 2. Капитан	13
Глава 3 дорога	18
Глава 4 агдам-Степанакерт	21
Глава 5 служба	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Карабах

Виктор Портнов

© Виктор Портнов, 2018

ISBN 978-5-4490-6127-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

В этом небольшом очерке хотелось рассказать не о войнах и национальных распрях, к которым в последнее время мы все уже привыкли, получая их в сводках из средств массовой информации. Был ведь и другой Кавказ, о котором все больше забывают. О чем и хотелось поведать, ведь молодое поколение об этом ничего не знает. Сравнительно не так давно, мирно жили все народы, уважая друг друга, помогая в беде и горе. Так получилось, что большое количество семей военнослужащих, их дети, жены жили в крупных и маленьких городах и поселках с азербайджанцами, армянами, грузинами, чеченцами и других республиках Кавказа.

Были соседями, дети ходили вместе в детские сады, учились вместе в школах. От этого соседства они становились духовно богаче, узнавая культуру, обычаи, привлекательные стороны и особенности каждого народа, учились готовить национальные блюда, гуляли на свадьбах своих детей, восхищаясь красивыми тостами, щедростью столов и обилием гостей. Все это было, и никто нас в качестве показательной дружбы по телевизору не показывал, в газетах не писал, эта была жизнь простых и непростых людей, и считалось, что только такие взаимоотношения должны быть между людьми. Подтвердить это могут миллионы людей, которым в мирные времена пришлось быть вместе. Эти отношения между русскими, белорусами, украинцами и народами Кавказа строились не по команде сверху, а просто им никто не мешал выстраивать и складывать свой быт. В то время, когда я проходил службу в Карабахе, многие в городе Степанакерте, в особенности в смешенных деревнях, владели двумя языками, азербайджанским и армянским, были смешанные браки, и ничего не предвещало, да и никто не знал еще страшного слова «перестройка». В моем рассказе нет войны, в Карабахе я ее, слава Богу, не застал, и у меня остались самые лучшие воспоминания об этом периоде службы. Народ, который пережил ужасы войны, часто с ностальгией вспоминает мирный Карабах, на землях которого всем места хватало. Сколько понадобится лет, чтобы зажил Карабахский конфликт и другие противоречия в других республиках, учитывая современные средства коммуникации, которые с определенной периодичностью напоминают об этом в СМИ, вскрывая заново эти раны? Вспоминая частые поездки, можно было на дорогах Кавказа оказаться в затруднительном положении, и всегда тебе помогут совершенно чужие люди. Если остановился по причине поломки, окажут помощь, помогут починить машину, оказался в дороге голодный с солдатом-водителем, всегда накормят и напоят. Уважительное отношение к армии, к ее давним традициям на Кавказе создавали тот цементирующий мир, который в последующем был разрушен. Некоторые офицеры проходили службу здесь по десять лет и более, знали хорошо быт и нравы местного населения, ни один бы из них не дал команду на решение возникших проблем силой. Многие из них были высококлассные педагоги, умело проводили воспитательную работу в многонациональных подразделениях, используя традиции народов всех национальностей для решения стоящих перед ними задач, учитывая сильные и слабые стороны подчиненных, порой прибегая к нестандартным решениям. Еще раз подчеркну, потому что они жили среди этих людей, не были туристами или командированными. Окажись они рядом с руководителем, принимающие судьбоносные решения, вмешиваясь в многовековые устои народов там, в Москве, не было бы войны в Карабахе. Судьбоносные решения для Кавказа принимали московские чиновники, имеющие представление о народе, проживающем на Кавказе, в лучшем случае по шашлыкам в горах во время дружеского застолья. Людям, живущим на Кавказе, свойственны взаимовыручка, почитание стариков, родителей, очага своего дома. Одна из характерных традиций – помогать близким родственникам в беде, собирать денежную помощь на свадьбу, суд и похороны близких. На свадьбах дарили щедрые подарки в зависимости от положения в обществе. Для прокуроров и судей собирали деньги, для того чтобы помочь своему родственнику, «случайно» оказавшемуся на скамье подсудимого. Во время похорон

присутствие и поддержка близких и дальних родственников была порой важнее тех денег, которые приносили все близкие. Все это было присуще всем народам Кавказа, независимо от национальности и вероисповедания, и не учитывать это в политических играх московских чиновников было нельзя. Эти традиции, к сожалению, несвойственны населению Центральной России, а порой бывает наоборот. В этом рассказе я описал небольшой отрезок времени своей службы, здесь нет выдумки, это реальные люди, которые встречались в разных гарнизонах, где мне приходилось служить. Обыденная жизнь небольшого гарнизона, которых были тысячи на Северном Кавказе, с ее особенностями, веселыми историями.

Глава 1 поезд, дорога

Осенью в те времена поезд Москва – Тбилиси был трудно доступным для пассажиров... Билеты я с трудом достал через военного коменданта Курского вокзала. Когда объявили о посадке на поезд Москва – Тбилиси, напутствие коменданта было простым: «Не забудь хорошего коньяка или вина привезти!» Эту фразу мне говорили практически все, кто мне желал счастливого пути. Впечатление создавалось, что я еду в края, где реки наполнены вином, а колодцы – коньяком. Диктор объявил посадку на поезд, разночинные пассажиры дружно занимали свои места, согласно купленным билетам. Народ быстро устраивался, доставал нехитрую еду и, бегая к проводнику, решал проблему со стаканами. Поезд тронулся, и веселая, с хорошим застольем и непринужденными разговорами, началась дорога на Кавказ.

Сосед по купе попался коренной Тбилиси, таксист Ваню, много говорящий, как все таксисты. Первое, что сделали пассажиры купе, дружно поругали Москву и москвичей за их заносчивость, позавидовали, что у них все есть в магазинах, а затем перешли к нехитрой трапезе, плавно разговор переходил к дому и своим проблемам. Ваню пообещал всем оказать всякую помощь по приезду в Тбилиси. Время в дороге за разговорами летело так же быстро, как пробегающие дорожные столбики, за окном вагона раскинулись просторы Подмосковья, быстро пробегали высокие платформы станций, где стояли люди, одетые намного интересней и модней, чем в остальной части России. Близость Москвы чувствовалась и во внешнем виде людей: наличие модных в то время джинсов у ребят и коротких юбок у девчонок. Особенно женщины старались подчеркнуть свою принадлежность к столице своими прическами и необычным цветом волос. Все реже стали пронзительно кричать встречные электрички, Подмосковье стала сменять российская провинция, с покосившимися старыми избами и людьми, не такая нарядная и модная, как Москва. По вагонам ходили глухонемые и предлагали карты с обнаженными девицами, что вызывало у мужской части пассажиров неподдельный интерес к некоторым особам, изображенным на картах, и приводило их в восторг. Тут они переходили на свой язык, и я только догадывался, о чем шла речь. Полистав колоду карт и почмокивая губами, Ваню, посмотрев еще раз многозначительно на карты, сказал, что у него дома есть цветные карты, что вызвало неподдельное уважение у остальных соседей. Дальше пошли цыгане, настойчиво рекомендовали пуховые платки, интерес к цыганскому ассортименту привлекал женскую часть вагона. Постепенно надвигались сумерки, и пассажиры после московской суеты с удовольствием стелили постели и укладывались спать, с мыслью, что скоро они будут дома с родными и близкими им людьми.

Совсем о другом думал я, о том, куда и в какую часть Закавказья меня забросит судьба. Вспомнил про себя школьную программу, творчество М. Ю. Лермонтова. В его письмах были отмечены высеченные на скале слова, которые по рассказам очевидцев сохранились и до сегодняшнего дня: «На Кавказе служат офицеры не угодные царю, но преданные отечеству». С этой мыслью, отмеченной классиком и вызывающей гордость, я еду на Кавказ. Забравшись на верхнюю полку, я заснул под стук колес, мечтая найти эту скалу или камень с надписью.

На утро за окном ландшафт поменялся. С переходом на гористую местность все чаще стали попадаться узкие холодные ущелья с туннелями, все пассажиры оживленно переговаривались, чувствовалось приближение конечного пункта назначения. Наконец поезд прибыл к конечному пункту – Тбилиси. Вокзал встретил своеобразной суетой, присущей южным городам. Сначала нужно было освободиться от тяжелого груза, от всей одежды: зимней, летней, парадного обмундирования и нехитрых вещей первой необходимости. Сдав весь груз в камеру хранения и определившись с дальнейшим маршрутом, нужно было прибыть в штаб ЗакВО, доложить о своем прибытии и получить назначение для дальнейшего прохождения службы.

Попав в незнакомый город, я обычно не пользовался транспортом, а старался пройти пешком, чтобы посмотреть достопримечательности города.

Первое, что меня удивило в Тбилиси, это большое количество легковых машин, которые мчались по красивым улицам, издавая разной тональности сигналы знакомыми мелодиями. Водители останавливались на проезжей части дороги и разговаривали между собой, при этом, что интересно, никто не возмущался, а терпеливо ждал окончания разговора. Приглядываясь к дороге, я все искал глазами большегрузный транспорт, но ни одной машины не мог увидеть, кругом мчались «Жигули», черные и белые «Волги», перемигиваясь друг с другом фарами. Я осматривал архитектуру города, присущие только южным городам красивые фасады домов, украшенные южной растительностью, большие веранды и балконы – все это отличалось от средней полосы России, где климат заставлял архитекторов и строителей не строить с такой открытостью.

Любуясь проспектом Руставели и всеми красотами, окружающими меня, я не заметил старшего по званию офицера, который окликнул меня до боли знакомой и родной фразой: «Товарищ лейтенант, почему не приветствуете старшего по званию?» Передо мной стоял молодой майор, по всей видимости, грузин. Я извинился и попробовал объяснить, что я первый раз в Тбилиси и восхищен этим городом, просто не заметил майора. Он улыбнулся, поинтересовался, откуда я приехал, и стараясь быть строгим, пожелал мне больше не отвлекаться, показав, как проехать к штабу ЗакВО.

В бюро пропусков Штаба ЗакВО я позвонил в кадровую службу, доложил о своем прибытии и стал ожидать списка на пропуск, который должен принести один из офицеров службы. Присев на стул рядом с лейтенантом, который также ждал, по всей видимости, своей очереди, разговорившись между собой, выяснилось, что мы ехали в одном поезде из Москвы и сожалели оба, что не попали в один вагон. Звали собеседника Валера, был он невысокого роста в больших роговых очках. Оказался разговорчив и не очень похож на строевого офицера, который строгим своим видом внушал страх подчиненным. Он уже знал, что будет служить в Тбилиси два три года, а затем должен поступить в академию, а дальше или Москва, или за граница – такую перспективу обрисовал его папа. Валера был удивительно откровенен. Перспектива складывалась такова, что если он не будет сопротивляться, когда его будут тянуть за уши, то он как пробка из-под шампанского пробьет все ступени карьеры и окажется в Арбатском округе, в тихом паркетном кабинете, где по телефону будет заказывать икру и стройматериалы для своей дачки, настойчиво требуя их доставку в установленные сроки, радуя своего престарелого родителя своими успехами в службе и обустройстве своего быта. Наконец в комнату ожидания бюро пропусков вошел майор, щеголевато выглядевший: форма от сапог и до фуражки были сшиты по спецзаказу в придворных мастерских Москвы. Фуражка выделялась широкими полями и соответствовала той форме, которую носили многие в ЗакВО. Лицо у майора было строгим. Осмотрев с некоторым высокомерием присутствующих в комнате офицеров, которые, в отличие от него, имели внешний вид, да и внутреннее состояние, слегка подавленные неизвестностью, что их ждет с появлением красавца-майора, он громко и четко произнес:

– Лейтенант Воронин!

Рядом сидящий Валера встал, поправив очки, и негромко произнес:

– Я.

Этим, по всей видимости, удивил майора, но, убрав строгость с лица, он учтиво и вежливым тоном произнес:

– Следуйте за мной!

Валера, взяв дипломат, направился к выходу вместе с майором. А тем временем солдат в окошко, где выписывают пропуска, выкрикнул с кавказским акцентом мою фамилию, протянув пропуск, и пригласил пройти в службу к дежурному.

Поднявшись на пятый этаж, он доложил дежурному капитану о моем прибытии. Взяв предписание, он с важным видом стал записывать в журнал, при этом бормоча про себя, что его уже за сегодня все достали. Я почувствовал, что стал причиной его мучений, и предложил прийти в другой раз, на что он с удивлением и негодованием на меня посмотрел и объяснил, что меня с нетерпением ждут в батальоне в городе Степанакерте, звонили из части несколько раз и справлялись о моем прибытии. Объяснив план моих дальнейших действий, он сказал:

– Ожидай здесь начальника службы и доложишь ему! Пока зайди к его заму, он тебя проинструктирует, – показав массивную дверь с биркой установленного образца, на которой было написано полковник Козловский А. А.

Как добраться до города Степанакерта и что там за воинская часть, наверное, мне объяснит заместитель начальника, куда направил меня дежурный.

Постучав в дверь, я ринулся в неизвестность, где давно меня ждут, чтобы доложить по всей форме, но там наткнулся еще на одну дверь и, споткнувшись, боком влетел в кабинет. Поправив форму и одернув китель, я строевым шагом приблизился к полковнику Козловскому. Не успев его разглядеть и отрапортовать, я услышал злой крик: «Вон отсюда! И зайдите, как положено». Выскочив из кабинета и придя немного в себя, я посмотрел на дежурного капитана, который, ехидно улыбаясь, сказал:

– Если с третьего раза зайдешь, то тебе повезло!

Поправив головной убор, расправив китель, протерев носовым платком сапоги и вспомнив строевой прием, подход к начальнику, потренировавшись перед зеркалом здесь, в приемной, я ринулся на вторую попытку. Постучав и успешно преодолев вторую дверь, строевым шагом с постановкой правой ноги, я приложил руку к головному убору и четко отрапортовал о своем прибытии, продумав про себя все эти приемы. Я сдал это в училище на «отлично» на выпускных экзаменах, и полковник Козловский должен быть доволен, но по его выражению лица я этого не увидел. Он Медленно поднял свою массивную фигуру из-за стола, и я увидел у него огромный живот и взгляд, который почему-то похож на змеиный, хищный, готовый проглотить свою жертву целиком. Живот вывалился на стол и расплылся на его краю, а нижние пуговицы рубашки играли одну из главных ролей: они держали этот массивный мешок, чтобы он не расплылся по всему столу. Посмотрев на полковника, я понял, что попытка не удалась. Опустив вниз брови, он прорычал: «Я вас сюда не приглашал войти!»

Я все понял, постучавшись, я не услышал приглашения от полковника Козловского. Спросив разрешения выйти и получив одобрение, я с облегчением вздохнул, оказавшись в приемной. Дежурный капитан, сочувствуя моему положению, предсказал пять заходов. Поправив фуражку, одернув китель, повторив про себя быстро на всякий случай обязанности командира взвода, я приготовился к третьей попытке. Постучавшись в дверь, я стал ждать ответа, но за дверью я ничего не слышал, я снова постучал, внимательно прислушиваясь, что происходит за дверью, но там было тихо. Тогда меня осенила мысль, что полковник Козловский меня не слышит по простой причине, что дверь двойная. Я тихонько открыл первую дверь и осторожно постучался во вторую, но за дверью была тишина, я осторожно приложил ухо, прислушался к звукам, которые там раздаются, в надежде услышать заветное слово «войдите», но за дверью было тихо. Постучавшись посильнее, я снова прильнул к двери, и на этот раз я услышал еле слышный свист с храпом. Испугавшись, я вышел в приемную и доложил капитану о ситуации.

– Часа полтора придется подождать! – знающим тоном произнес он. – Садись и учи обязанности командира взвода!

Достав записную книжку, где на первой странице написаны обязанности, я стал быстро повторять их про себя. Взяв с доски документации все три устава – Внутренний, Строевой и Дисциплинарный, я углубился в чтение этих мудрых книг и не заметил, как прошло полтора часа. Вдруг раздался пронзительный звонок, дежурный взял трубку и не успел представиться,

как, по всей видимости, ему объяснили все, что о нем думают. Вскочив со стула, он громко крикнул: «Есть, товарищ полковник!» Я понял, что наступило мое время, проснулся мой тренер, и мне предстоит еще две попытки в лучшем случае. Капитан громко крикнул: «Вперед!» Я ринулся к проклятым дверям, с надеждой на удачу.

Открыв первую дверь без стука, как это было раньше, я увидел здоровый волосатый кулак и выразительный мат в мою сторону. Я понял, что совершил ошибку, когда был вдавлен в тамбуре могучим плечом с большими тремя звездами. Выругавшись еще раз в мою сторону, полковник вышел, предупредив дежурного, что будет в политотделе. Я стоял в тамбуре, прижатый к стене, и представлял, что с моей спиной. Повернувшись спиной к дежурному, я услышал:

– Тебе хана! Иди в туалет и приведи себя в порядок до возвращения полковника!

Я помчался в туалет, чтобы до прихода полковника успеть привести себя в порядок и почистить китель. Вбежав в туалет, я к своему ужасу увидел полковника Козловского, который, пыхтя и пугая, вываливался из кабины туалета, застегивая на ходу ширинку. Увидев меня, он рявкнул: «На место, лейтенант!»

Схватив китель, я побежал обратно в приемную, на ходу чистя китель, который, естественно, не успел привести в порядок. Ожидая появления полковника Козловского, услышав тяжелые шаги, дежурный вскочил, доложил по форме. Я прижался к стене с желанием исчезнуть, но этого не удалось. Посмотрев на меня, полковник крикнул дежурному:

– Пускай он зайдет через десять минут!

Я облегченно вздохнул, надо успеть почистить китель и повторить обязанности. Подготовившись к четвертой попытке, я втайне надеялся, что она будет последней. Дежурный посмотрел на часы и дал мне команду: «Вперед». Поправив головной убор, я постучал в первую дверь и замер в ожидании. Через некоторое время я с радостью и страхом услышал команду: «Войдите!» Открыв уже с опытом вторую дверь и преодолев порог, я ринулся строевым шагом к ненавистному полковнику. Доложив строго по уставу, я резко опустил руку, прижав ее к бедру и подав корпус вперед на пять градусов, как требовал строевой устав, стал ожидать результата доклада. Пауза была недолгой. Поднявшись с кресла и положив живот на стол привычным движением, Козловский рявкнул: «Устав знаете?» Про себя я обрадовался, так как обязанности командира взвода знал как Отче наше. «Так точно!» – ответил я. «В какой форме должны представляться по прибытию к новому месту службы?» – спросил полковник. И тут меня бросило в холодный пот, ведь я должен быть в парадной форме.

– Идите, разгиляй, и приводите себя в порядок!

– Есть! – сказал я и вышел строевым шагом из кабинета.

Дежурный, посмотрев на меня, все понял. Я устало сел на стул и тихо произнес: «Лучше бы я пробежал кросс 3 км, чем вновь идти к полковнику Козловскому». Вспомнив, что парадная форма у меня на вокзале в чемодане помятая, от этих мыслей стало совсем тоскливо на душе. Посмотрев на меня, дежурный впервые за все время проникся ко мне и посоветовал взять такси и поехать в гостиницу КЭЧ привести себя в порядок, нагладиться и прибыть сюда. Делать было нечего, пришлось выполнять приказ. Взяв парадную форму на вокзале из камеры хранения, я привез ее в гостиницу КЭЧ, где привел ее в порядок, переоделся, подушился любимым своим одеколоном «Саша». Подумал, что еще может быть написано в уставе, восхищаясь про себя мудростью этой книги.

Уже вечерело, когда я вновь прибыл в штаб ЗакВО к ненавистному полковнику Козловскому. Увидев меня, дежурный, улынувшись, сказал, что полковник Козловский выехал в войска, так что тебе придется доложить самому начальнику. От этих слов у меня все опустилось. Если зам такой зверь, то, что тогда из себя представляет начальник? Увидев мое отчаяние, капитан сказал:

– Не бойся! Если повезет, то с первого раза обойдется.

Набрав воздуха полную грудь и посмотрев в зеркало, я поправил фуражку, парадный ремень и ринулся к двери начальника, успев посмотреть на массивную бирку, где было написано полковник Грибов В. А. Я громко постучался, к моему удивлению, за дверью прозвучало тихо слово «Войдите». Влетев в кабинет, я увидел большую карту, массивный стол. Толком не разглядев, кто там за столом, я перешел на строевой, изо всех сил подчеркивая удар сапога о ковровую дорожку, так, что пыль поднималась, как у паровоза, в разные стороны. Доложив громко о своем прибытии, я, наконец, разглядел полковника Грибова. На меня смотрели усталые глаза человека, которому уже все надоело, и задачи, поставленные вышестоящим начальством, были несравнимы с моим громким присутствием.

– Что так шумишь, доведете меня тут до инфаркта, – сказал устало полковник, взял пухлую папку, открыл замок и достал тетрадь.

Он посмотрел на меня и тетрадь, сделал ручкой пометки, тихо произнес:

– Все ясно?

– Так точно! – гаркнул я.

– Не шуми ты! – тихо добавил он, повторив. – Доведете все вы меня до инфаркта. Свободен! – негромко сказал он.

Повернувшись кругом и тихо пройдя по дорожке, я на цыпочках вышел из кабинета начальника, тихонько прикрыл массивную дверь так, чтобы не навредить здоровью полковнику Грибову. Дежурный капитан, увидев меня, с радостью вручил мне предписание, объяснил, как добраться до города Степанакерта: на поезде до станции Евлах, а там – на автобусе 100 км. И с чувством облегчения я вышел из штаба, с желанием где-нибудь подкрепиться.

Глава 2. Капитан

Улицы Тбилиси своей беззаботностью и веселым настроением прохожих быстро сняли с меня тяжелый осадок после посещения штаба. Я слился с прохожими и стал искать взглядом надписи на фасадах зданий, знакомые для российских городов: «Столовая» или «Пельменная». Навстречу шла беззаботная молодежь, мои ровесники, модно одетые. На девушках были длинные юбки, что отличало их от российских сверстниц, которым разрешалось поднимать границу юбок на непростительную высоту. Строгие законы Кавказа не давали таких вольностей местным девушкам. Но зато никто не мог запретить им подкрашивать в светлый цвет волосы, что видно заставляло оказывать повышенный интерес и внимание мужскую половину Тбилиси. Я ловил их интересующиеся взгляды.

Тут я с благодарностью вспомнил полковника Козловского, знатока устава, который заставил меня переодеться в парадную форму. И вспомнились опять слова преподавателей из военного училища о том, что «устав был написан кровью».

Пройдя еще несколько кварталов, я наконец увидел в витрине круглые высокие столы, называемые в народе «стояками», и вывеску «Хинкальная», которая ни о чем мне не говорила, но в то же время я почувствовал по манящему запаху, что здесь можно перекусить. Решив войти, я неожиданно увидел, что навстречу мне выходит капитан. Он был невысокого роста, без фуражки, слегка лысоватый, с расстегнутой верхней пуговицей рубашки, лямка галстука была зацеплена за погон, что придавало ему бравый и независимый вид. Я принял право, как учили, и приложил руку к головному убор

– Вольно, вольно! – ленивым подвыпившим голосом произнес капитан. – Заходи смелей перекусить! – гаркнул он, заметив мою нерешительность.

Войдя в темное, как мне показалось после улицы помещение, я увидел настоящий смог от дыма сигарет, слоем расстилавшийся в помещении сладковатый запах, смешанный с пивом, вином и едой. Посетителями в зале были одни мужчины. Они громко разговаривали и, выразительно жестикулируя руками, которые иногда заменяли слова, создавали гул в помещении. Увидев свободный столик, я направился к нему. Стол был заставлен грязными тарелками и пустыми кружками из-под пива, пепел от сигарет стряхивался, видно, в тарелки. Ругаясь по-грузински, пожилая грузинка, единственная женщина, убралась на столе и, протерев тщательно его, ласково обратилась:

– Покушать сынок?

Я кивнул одобрительно головой.

– Подойди к Гоги и скажи, он тебе все сделает!

Я хотел было подойти и заказать, как к столику подошел капитан и сказал:

– И на меня не забудь, лейтенант, заказать сто грамм! – властно скомандовал капитан.

Капитан строго спросил, куда я получил назначение. Подчеркивая строгость, фамильярность и деловитость, он молча выслушивал мой рассказ, каркнув:

– Что стоим? Давай неси закуску и мои сто грамм!

Я подошел к Гоги, который, зная потребности капитана, уже приготовил порции хинкали и графин с водкой. Капитан быстрым движением подал мне графин, сделав замечание:

– Что у нас в армии наливает младший по званию?

Налив по маленькому граненому стакану, он предложил первый тост выпить за встречу. Опрокинув стакан и громко крякнув, взяв зелень, он, демонстративно и ловко сворачивая зелень в пучок, обмакнул в соль и аппетитно захрустел, что меня заставило повторить его действия. Капитан все еще старался подчеркнуть свой высокий ранг. Выпив по второй рюмке

за знакомство, он спросил, как меня зовут, хотя сам не представился, дав мне понять, что я должен соблюдать дистанцию и никакого панибратства, всем своим видом показывая, что это честь – выпить со старшим по званию. Я должен дорожить его доверием и угощать его. Осмелев, я обратился к нему:

– Товарищ капитан, не могли бы Вы рассказать, как начинали службу здесь, ЗакВО?

Вопрос попал в точку, он только, видно, этого и ждал. Сразу преобразившись и развернув плечи, он стал неторопливо рассказывать, как он начинал служить на Кавказе, постепенно переходя на эмоции и так же жестикулируя руками, как все вокруг нас, приобретая в разговоре кавказский акцент. И со стороны казалось, что мы тоже слились с общей массой зала, которая гудела, дымила, что-то друг другу громко доказывала, рассказывая, как он начинал службу на Кавказе с командира взвода, в дыре на полигоне. «Командовал взводом три года, дневал и ночевал в казарме, дали мне роту», – продолжал он, при этом не забывал вставлять слова-паразиты, т.е. мат.

Продолжив рассказ, капитан с еще большим азартом стал вспоминать, когда ему дали роту, семьдесят гавриков разной национальности. «С этим подразделением никто не мог справиться в части, я один покончил с этим бардаком, – с гордостью заявил он. – Этому вас в училище не учат».

Увидев мой растерянный вид от полученной информации, особенно о знании языков народа Кавказа, он с еще большим удовольствием стал говорить, вставляя непонятные для меня грузинские слова, что приводило меня в ужас. Учитывая мой английский, который я еле сдал в училище с помощью словаря и шпаргалок, мне стало грустно. Капитан все яростней продолжал: «Таким образом, – добавил он, – из безнадежной роты я сделал отличное подразделение. Ротой командовал четыре года, на учениях, на проверках везде добился отличных результатов, двух командиров батальона и трех начальников штабов отправил в академию, и все только говорили: «Работаешь, получается, ЧП нету в подразделении, ну и работай! Ни одно учение в Караязах на полигоне не обходится без моего участия, ночью в непогоду вывёл затерявшиеся части, я на этом полигоне с закрытыми глазами мог ориентироваться. Пока я пахал в роте, делал отличников боевой и политической подготовки, некоторые сослуживцы вовремя доставали канистры с коньяком нужному начальнику, когда прилетали «мандарины», т.е. московская комиссия с ГШ или МО. Они прибывали, как правило, в сезон урожая мандаринов, поэтому их так называли. Шустрые офицеры доставляли вовремя ящики с урожаем к трапу самолетов, а я все растил отличников. В глазах у капитана мелькнула обида за честную службу, оставшуюся не замеченной командованием, а канистры с коньяком и ящики с мандаринами оказались весомей для карьеры его сослуживцев. Опустив голову и примолкнув, капитан выпил рюмку водки, закусив, задумался о своем. В этот момент мне вспомнился герой из произведения «Война и Мир» Л. Н. Толстого – капитан Тушин, и мне захотелось сравнить с героем войны, который совершил героический поступок на поле боя, а награды получили другие, успев вовремя донести до командования об успехах на поле боя. «Так и в этом случае», – подумал я, и в моих глазах мой собеседник приобретал образ капитана Тушина, только в его случае не было князя Болконского, который мог бы донести всю правду до вышестоящего командования. А капитан тем временем продолжал свой рассказ и одновременно давал наставления мне, как надо служить в Закавказье. Здесь слабых не любят, при этом, сделав вращательные движения плечами. «Видно, когда-то по молодости он подкидывал пудовые гири», – подумал я, а капитан продолжал: «Тех, кто не умеет пить, это запомни и заруби себе, лейтенант!» ЗАКВО Закавказский округ считается пьяным округом, т.к. кругом коньячные и винные заводы, здесь все пьют и хорошо закусывают, поэтому пьяных нигде не увидишь, даже вытрезвителей нет, в Тбилиси, Ереване, Баку. В нашем округе, если ты выпил и можешь работать, это нормально, даже некоторые начальники не обращают внимания, за исключением замполитов, которые постоянно принимают к тебе, но если ты упал или не вышел на службу,

то будешь вызван на партийное собрание или получишь взыскание. «Так что учти это! – строго произнес капитан. А в дальнейшем смешают тебя с говном, как это случилось со мной». Замолчав, с грустью произнес: «Наливай, лейтенант, учись на ошибках!»

Мне стало жалко капитана. Несмотря на свою казавшуюся строгость, в его глазах светилась доброта и отзывчивость, хотелось чем-нибудь помочь ему, но я не знал чем. Чтобы уйти от грустной темы, я открыл ему свою мечту: найти камень на скале, где были выбиты слова русских офицеров, которые служили при Царе-батюшке, которые звучали так: «Здесь служат офицеры, не угодные царю, но преданные отечеству». От этих слов капитан поднял подбородок, расправил плечи и громко произнес: «Правильные слова! Не волнуйся, лейтенант, найдем мы этот камень, знаю, где искать его! Выпьем за всех офицеров, которые служили и служат на Кавказе!» – торжественно произнес он.

Продолжая разговор, капитан как бы протрезвел

– Первое, что ты должен знать, народ здесь разный, в основном гостеприимный. Военных уважают, и всегда готовы помочь, угостить, поэтому первое, чему ты должен научиться, это, как я уже тебе говорил, пить. Да, не удивляйся! От того, умеешь ли ты пить, будет зависеть многое: твоя карьера, семейное благополучие. На моих глазах за десять лет службы на Северном Кавказе многих офицеров из-за зеленого змия выгнали из армии. Они лишились карьеры, потеряли свои семьи, застрелилось двое из нашего подразделения, хорошие мужики, как правило, классные спецы. Правильно пить на Кавказе – это целый ритуал. Решается много дел, налаживание деловых и дружеских контактов, включая вопросы боевой готовности твоего подразделения. Будешь отказываться – тебя не поймут, будешь как белая ворона – народ здесь гостеприимный, любит угощать, а мы, славяне, к этой заразе имеем слабинку и не знаем придела. Вот в чем наша беда! Местные пьют за столом, с хорошей закуской, не торопясь, произнося длинные тосты, все пьется и кушается на здоровье, бабы у них не ругаются, как у нас, а наоборот бегают вокруг стола, предлагая закуску. Произошел такой случай в прошлом году: была эпидемия желтухи в подразделении. Приехал начмед и приказал всем офицерам и прапорщикам выпивать в обед по 100гр. Все выполнили требования начмеда, даже более того принимали, на грудь и побольше, кроме принципиального замполита. Бедняга слег с желтухой в госпиталь, потом все жалел, что с нами не пил. Я подумал, что после такой темы капитан даст команду перестать пить, но прозвучала другая команда: «Наливай, лейтенант!» Выпив рюмку и посмотрев на меня внимательно, он продолжил свой инструктаж, а мне все казалось, что с каждой выпитой рюмки он становился все трезвей.

Второе запомни, ты должен знать особенности службы на Кавказе, это тебе не Московский или Киевские округа, здесь у тебя в подразделении будут служить местные жители: армяне, грузины, азербайджанцы. У меня даже иранцы были. Ты должен знать обычаи, традиции этих народов и уважать их! Я тебе случай расскажу. Рядовой Мамедов был у меня такой в роте, рас....яй, одним словом, в наряды не ходил, все больным косил, мне это надоело. Вызвал я его отца и перед строем назначил его на кухню вместо сына сходить в наряд. Папаня долго не мог понять, что от него хотят. Когда врубился, попросил сына на ночь в увольнение, провел с ним беседу, правда, долго эта профилактика сходила с лица рядового Мамедова, зато после этой беседы рядовой Мамедов постоянно просился в наряд. Это один из примеров! Ты должен знать, что у тебя творится в подразделении. У меня был человек, который до моего прихода в подразделение все, что делалось в роте в мое отсутствие, и я все знал и всех, держал в кулаке. Наливай! Не любят здесь слабых, скромных, бедных и мелочных, сдачу можешь не ждать, здесь не дадут, да и медяков здесь в обиходе не увидишь, а любят деньги, наших баб, уважают сильную власть.

Выпив рюмку, ловко свернув зелень в пучок, окунув ее в соль, капитан с хрустом смачно закусил, закурил сигарету и с удовольствием продолжил дальше свой инструктаж о нравах и обычаях здешней службы на Кавказе.

– На днях с женой ходили в кино, здесь, кстати, все больше смотрят индийские фильмы, народу тьма, ну я долго не думая, пробрался к кассе, взял билет. Когда возвращался от кассы, на меня смотрели как на героя, здесь таких уважают, сумел достать дефицит – значит свой. Зашли с женой в кинотеатр, прошли в зрительный зал, выключили свет, начался фильм, и что-то моя жена начала ерзать. То встанет, то сядет, то опять встанет, потом слышу удар громкой оплеухи и какое-то бормотание на своем языке за моей спиной. Ну, я все понял, жена моя из кубанских казачек, нрава крутого, если приложит, то по делу, сам иногда получал. Потом уже дома она мне рассказала, что кто-то в темноте стал ее гладить по заднему месту, ну она, естественно, и развернулась. Так что учти, лейтенант, и жену себе выбирай, ух... какую, чтобы не только ты мог ее защитить, но и сама она могла бы за себя постоять. Это важно! Тут я тебе могу долго рассказывать. Когда у тебя поезд-то? На поезд я тебя провожу, посажу в вагон, не волнуйся! Ну, давай рубай, все будет как надо, налегай на хин кали!

Капитан крикнул:

– Биджо, принеси еще порцию! Впереди тебя ждет нелегкая дорога, да и служба – не сахар!

От этих слов сурового капитана мне стало теплее на душе. Далее он продолжил:

– Едешь ты служить в Карабах, в Степанакерт, там в основном живут армяне, крестьяне одной с нами верой, так что тебе еще повезло. Есть места здесь и похуже, я был в Карабахе в командировке, места там, я тебе скажу, красивые. Еще сам Чингисхан отводил туда свои войска на отдых. Обилие дичи и благоприятный климат способствовали этому. Приедешь – сам увидишь, первое время будет трудно, а потом привыкнешь и не захочешь уезжать отсюда, как я, к примеру! – заразительно громко засмеялся капитан. – Вино, тепло, горы, шашлык-машлык, с женщинами, правда, тяжелей, свои нравы, а по березкам скучать будешь еще, погоди! Ну давай, лейтенант, наливай по последней, да я тебя провожу на поезд!

Я взял бутылку, налил то, что осталось, и поставил ее под стол, так как по закону Кавказа пустую бутылку на стол не ставят, это я уже запомнил...

– Ну что, – сказал капитан и поднял рюмку, – пора тебя познакомить с гостеприимством Кавказа!

Посмотрев вокруг себя, он приподнял локоть, как это делается в офицерской среде, и громко крикнул на всю хинкальную: «За Сталина!» На минуту в чайхане наступила гробовая тишина, я так же, как и он, опрокинув голову назад, торжественно опустил рюмку. Что тут началось, трудно описать! Все тянулись к нам с бокалами и кричали: «За Сталина! За Сталина! Молодцы, молодцы офицеры!»

Мне показалось, что вся чайхана ринулась к нам. «Молодец, лейтенант!» – обняв меня, произнес пожилой грузин, а я стоял растерянно и не знал что делать. А в это время на столе появилась неизвестно откуда закуска и много бутылок с водкой, вином и еще какими-то напитками. Вокруг столика столпилось много народа, и все хотели пожать нам руку, приговаривая: «Молодец!» Инициативу взял на себя пожилой грузин и произнес торжественно: «Давайте выпьем за Сталина, за Победу!» Все громко скандировали: «За Сталина, за Победу!» Капитан с кем-то уже вел дружескую беседу.

Тем временем ко мне обратился пожилой грузин и спросил, куда и откуда я еду. Я объяснил ему, что еду служить в Степанакерт. Посмотрев на всех, он с возмущением выкрикнул, что такой лейтенант должен в Тбилиси служить. Кто-то из присутствующих крикнул: «У меня есть знакомый генерал, надо ему позвонить!» И все громко стали его поддерживать.

Тем временем он громко произнес следующий тост: «За офицеров, присутствующих здесь!» Все громко поддержали его. Я почувствовал, что пьянею и подумал о том, что нужно найти в себе силы выдержать все это, не обидев людей. Капитан, посмотрев на меня, хитро улыбался и продолжал активно вести разговор. Тосты все громче звучали, но я уже с трудом их

понимал. Наконец я услышал громкую команду капитана: «Лейтенант опаздывает на поезд!» К этому моменту я уже плохо ориентировался.

Вся толпа ринулась на дорогу, перекрыли все движение. Я только помню непрерывистые гудки легковых машин, и колонна из нескольких машин ринулась в сторону вокзала. Как меня посадили на поезд в вагон и загрузили мои чемоданы, я уже плохо помнил.

Глава 3 дорога

Проснулся я от яркого солнечного света и тихого ритмичного постукивания колес, лежал я на нижней полке, на заправленной простынями постели. Разжав почему-то сильно зажатый кулак, я обнаружил в нем деньги. Как они там оказались, я плохо представлял, хотя смутно вспоминал трогательные проводы на вокзале. В купе постучались, в дверь заглянул, широко улыбаясь золотой, во весь передний ряд зубов, улыбкой, проводник и спросил, хочу ли я чая. В ответ я только смог кивнуть головой, открыть рот и сказать я не смог. Выпив стакан чая, я почувствовал, что ко мне опять возвращается жизнь, теперь можно было осмотреться, где я и где мои вещи.

Купе было двух местное, видно, служебное, чемоданы мои сложены наверху, форма висела на вешалке. Проверив машинально документы и деньги, я успокоился. В купе опять постучал проводник. Улыбнувшись золотой улыбкой, предложил еще чая, тут я уже мог выразить свое желание словами. Убедившись, что я могу говорить, проводник многозначительно произнес: «Какие хорошие люди вас вчера провожали! Почетный вы человек, наверное, я таких мало встречал, наверное, родственники, прямо очень хорошие... очень, попросили Вас доставить до станции Евлах», – прикрыв осторожно дверь, улыбаясь, проводник пошел за чаем. Выпив еще животворящего чая, я приобрел бодрый вид, надел форму и вышел из купе покурить, хотел расплатиться за чай с проводником, но тот замахал руками: «Не надо, дорогой, все заплачено!»

Вчерашние слова капитана о Кавказском гостеприимстве сбывались. Народу в вагоне было мало, все смотрели на меня с уважением и почитанием, видно, вчерашние проводы давали на то основание. Проводник объявил, что поезд прибывает на станцию Евлах, люди засуетились, стали выносить вещи в тамбур, я снял свой чемодан с верхней полки и также приготовился к выходу. Поезд, заскрипев и засвистев тормозами, резко затормозил. На выходе проводник объяснил, что за зданием вокзала на площади стоянка автобусов, которые едут до Степанакерта. Проследовав к вокзальной площади, где стояло несколько автобусов, я обратил внимание на таксистов, которые предлагали подвезти, тоже улыбаясь всем рядом золотых зубов из-под темных кепок, которые в народе называют «аэродромами».

Увидев на автобусном стекле вывеску «г. Степанакерт», я обрадовался, поняв, что на правильном пути. Уточнив у водителя направление движения автобуса, я начал укладывать свои чемоданы в багажное отделение и поспешил занять удобное место у окна, чтобы лучше увидеть местные достопримечательности. Водитель просигналил об отправке, и мы тронулись.

В салоне автобуса, сидя, курили мужчины, а женщины почему-то все стояли. Мне стало неудобно, и я предложил свое место женщине, на что сосед объяснил, что мужчина должен сидеть в автобусе, а женщина – стоять. Так здесь принято. И посоветовал мне сесть на место, что я и сделал, подчинившись обычаям. Но подумал про себя, что неплохой обычай, вспомнив слова капитана, что на первых порах будет трудно привыкать к особенностям Кавказа, ну а когда привыкнешь, то не захочешь уезжать.

Проезжая по узким улочкам двухэтажного небольшого городка Евлах (историческая справка: Евлах называют «Воротами Карабаха», факт прохождения Великого Шелкового пути через Евлах подтверждает его древность). Автобус неожиданно остановился, и водитель начал весело переговариваться на своем языке, при этом жестикулируя руками с водителем «Жигулей». В создавшейся пробке никто не ругался и не сигналил, а все терпеливо ждали, пока закончится диалог между двумя водителями. Пассажиры автобуса тоже не высказывали недовольства, а слушали внимательно, так продолжалось минут пять. Еще несколько раз автобус останавливался для переговоров со знакомыми нашего водителя. Наконец мы выехали за пределы небольшого города, по обе стороны раскинулись хлопковые поля, на обочинах которых сидели раздетые мальчишки, предлагая арбузы, дыни и вареную кукурузу проезжим водителям. Проехав несколько километров, мы вновь остановились, теперь уже по требованию сотрудников ГАИ. Водитель вышел из автобуса и стал объясняться, показывая руками на пассажиров сотруднику ГАИ. О чем они говорили, я не мог понять, так как диалог шел на азербайджанском языке, зато мои соседи поняли все и начали выходить из автобуса. Мне недовольно объяснили, что сейчас будем собирать хлопок, дадут каждому по мешку, пойдем собирать хлопок на поле, который рос по обе стороны дороги. Я последовал за ними и вышел из автобуса, перед нами был закрытый шлагбаум, два милиционера и бригадир с пустыми мешками в руках. Женщины, которые ехали вместе с нами, покорно и молча взяли мешки и пошли собирать хлопок. Мужчины начали спорить с милиционером и бригадиром, но тот был непреступен и показывал в сторону поля с хлопком и на плакат с Первым секретарем Алиевым и Генеральным секретарем Л. И. Брежневым, с надписью на плакате «Широко шагает Азербайджан». После такого убедительного жеста мужчины нехотя покинули автобус и пошли в поле, некоторые постарше вытаскивали из карманов денежные купюры, молча отсчитывали, по всей видимости, бригадир колхоза. Я не представлял, что делать мне в такой ситуации. Разредил обстановку водитель, сказав: «Товарищ лейтенант, садитесь в автобус!» Я неловко поблагодарил его, хотя было как-то не по себе, привык к коллективному братству в училище, хотелось взять мешок и пойти собирать хлопок, но положение не позволяло сделать это.

Водитель автобуса объяснил, что Алиеву, первому секретарю Азербайджана, нужно получить вторую звезду героя, и для этого надо выполнить план по уборке урожая. Водители легковых авто, которые стояли рядом с нами, стали возвращаться с мешками хлопка, бросая их на багажники и на крыши «Жигулей», подходили к бригадиру, делая отметки. Следующим этапом они должны сдать хлопок у второго шлагбаума, который располагался в ста метрах от нас, и получить право на дальнейшую поездку, до следующего хлопкового поля. Пассажиры нашего автобуса начали потихоньку возвращаться. Первыми шли женщины, садились в автобус с мешками хлопка, потихоньку возвращались мужчины, недовольно переговариваясь между собой. Сосед, усевшись рядом, с гордостью объяснил, что пришлось купить мешок у колхозников. Водитель, посмотрев в заднее зеркало, потихоньку тронулся до следующего шлагбаума, где сдавали результаты своего труда человеку в шляпе, который делал отметки в своем журнале. Закончив уборку урожая, автобус дальше весело побежал по просторам Азербайджана. Навстречу пробегали хлопковые поля, с работающими на них комбайнами, не очень живописные. Другое дело, когда проезжали мимо виноградников, видны были красивые спелые грозди, заманчиво свисающие на кустах. В местных деревнях мальчишки весело плескались в оросительных каналах, на обочинах дороги сидели дети с большими полосатыми арбузами. В салоне автобуса среди непонятого для меня разговора я стал все чаще слышать знакомое слово «Агдам». Я поинтересовался у соседа, почему так часто вспоминают Агдам. Он мне объяснил, что сейчас мы приедем в город Агдам, где остановка автобуса будет тридцать минут. Слово «город Агдам» для меня было удивительно, вся страна знает знаменитый портвейн «Агдам», но не как город.

Мы стали подъезжать к небольшому городу, состоящему из одно- и двухэтажных домов бело-желтой покраски, с большими южными верандами. На перекрестках стояли разного возраста мужчины, о чем-то разговаривая, посматривая на въезжающий автобус, одетые все одинаково в черные широкие кепки и мохеровые шарфы, ежась от утренней свежести, засунув руки в карманы.

Подъехав к автовокзалу, водитель объявил тридцать минут остановки и пошел в чайхану, где ему уже молодой мальчишка с уважительным почтением подавал чай. О чем-то своем переговаривались и весело приветствовали посетители чайханы, по всей видимости, водители с других автобусов. Автовокзал представлял собой небольшое здание с прилегающей площадью, где стояло несколько автобусов, между которыми бегали мальчишки, предлагая вареную кукурузу, чем я и воспользовался, купив у проворного пацана кукурузу и маленький пакетик с солью, и с удовольствием ее съел. И показалось мне, что такой вкусной кукурузы я никогда не пробовал. Вокруг меня раздавалась незнакомая речь. О чем говорили, я не понимал, только ловил на себе любопытные взгляды людей из-под широких кепок.

Глава 4 агдам-Степанакерт

Водитель автобуса заканчивал пить чай, и пассажиры потянулись на посадку. Мужчины занимали удобные места у окон и закуривали очередную сигарету, женщины – стоячие места, в проходах расставляя свои сумки так, чтобы они не мешали пассажирам. Водитель, открыв свою дверку, сел в кабину автобуса, неспешно завел двигатель и о чем-то стал оживленно говорить подошедшему к нему, по всей видимости, хорошему знакомому. Разговаривали они долго, сопровождая разговор жестами руками и громким смехом, а пассажиры невозмутимо спокойно ждали конца беседы. Наконец-то водитель включил передачу, и разговор вновь возобновился, видно, вспомнив о новых общих знакомых, кому нужно передать привет. Наконец мы потихоньку тронулись. По дороге из города Агдам мы еще несколько раз останавливались, это были встречные знакомые на машинах, которые также вступали в приветственный разговор с водителем. В создаваемых пробках никто не сигнализировал и не торопил остановившийся транспорт. Сравнивая всю эту ситуацию с Центральной Россией, можно было представить, сколько проклятий и различных слов и выражений узнал бы о себе водитель, но здесь было все чинно и спокойно. «Это и есть особенности Кавказа!» – еще раз вспомнил я вчерашние слова капитана.

Автобус, наконец, выехал за пределы небольшого городка, и за окном открывалась панорама полей с виноградниками, ландшафт менялся, по обеим сторонам дороги, на горизонте появилась возвышенность, стал появляться горный пейзаж, автобус незаметно поднимался вверх.

Слева навстречу нам пробегала горная речка, перекатываясь через валуны. Пассажиры часто повторяли слово «Аскеран» (историческая справка: на территории этой страны часто возникали конфликты, в которые были вовлечены арабы, хазары и турки. После 11 века в стране стали доминировать турки, и вскоре она стала крепостью для религии мусульман-шиитов и исламской культуры). Мы подъехали к небольшому поселку из одно- и двухэтажных домов, впереди, к моему удивлению, я увидел разрушенные стены древней крепости, которая пересекала асфальтовую дорогу, по которой мы ехали. Подъезжая ближе, можно было разглядеть разрушенные стены и кое-где сохранившиеся башни, сделанные из добротных камней горной породы. Видно, эти древние стены служили когда-то линией раздела между двумя народами, но это было в далекие времена, а сейчас мы на хорошей скорости проскочили мимо этих стен, и никто из пассажиров не обратил на это внимания. Подъем все увеличивался, и водитель сбавил скорость. Я увидел справа необычный памятник Деду и Бабке – так мне подсказал сосед. По своему архитектурному и монументальному решению ничего подобного мне не приходилось видеть. Впечатление от дороги и увиденного создавало картину о смелых гордых людях, которые живут на этой земле. Жителю с равнинной территории трудно убедить свое сознание, что есть еще горы, и первое желание, увидев все это великолепие, попробовать самому подняться на одну из небольших вершин. Оглядываясь по сторонам, я уже представлял себя на одной из вершин.

Автобус подъезжал к городу Степанакерт, где мне придется служить, жить среди этих людей, и неизвестно, как в дальнейшем сложится моя судьба, что меня ждет впереди.

Автовокзал, к которому мы подъехали, представлял собой небольшую площадь, на которой стояло несколько автобусов, и примкнувшее к ним двухэтажное здание, с кассами и залом ожидания внутри. Выгрузив из багажника два больших чемодана, я спросил у первого встречного, как добраться до войсковой части. Посмотрев внимательно на мои эмблемы, молодой парень с уверенностью сказал, что нужно ехать в верхнюю часть. Где это находится, знает любой таксист, и показал на стоянку такси, где находилось несколько машин, ожидая своих пассажиров. Я направился к такси, навстречу мне уже шел улыбающийся таксист. «Поедем, дорогой!» – с легким акцентом произнес он. Уложив чемоданы в багажник, я сел на переднее сидение, закурил и с удовлетворением подумал, что, наконец, добрался до места службы.

Мы тронулись с места и, не проехав несколько метров, водитель резко затормозил и махнул рукой стоящему на краю дороги лейтенанту с чемоданом. «Тебе куда, дорогой?» – крикнул таксист. Лейтенант неуверенно стал искать в кармане кителя предписание, но таксист его перебил: «Садись, я знаю, куда тебе надо!» Уложив вещи на заднем сидении и устроившись, лейтенант с нескрываемой радостью поздоровался, увидев меня, протянул мне предписание, спросив, где эта часть находится. Я ему объяснил, что так же, как и он, еду первый раз. Под веселую музыку местного фольклора мы быстро доехали до войсковой части.

Выгрузив чемоданы, мы направились к КПП. Навстречу нам вышел сержант с опущенным ремнем до ниже некуда, подчеркивая старость и усталость от службы, но нашел в себе все-таки силы приложить руку к фуражке, при этом изогнуть голову в сторону руки, дабы сократить расстояние до головного убора. Я назвал номер войсковой части и услышал подтверждающий ответ. Пока дежурный докладывал, я познакомился со своим попутчиком. Лейтенанта звали Володя, прибыл он служить из Харькова после окончания университета, на два года. Внешне он был похож на школьника десятого класса, форма на нем сидела неудобно, волосы светлые, немного вьющиеся, что явно создадут проблему по прическе и ненужные вопросы старших начальников.

Глава 5 служба

Перекурив и обменявшись первыми впечатлениями о городе, который показался нам уютным и зеленым, мы по приглашению все того же сержанта, дежурного по КПП, оставили чемоданы и проследовали за ним на второй этаж штаба в приемную командира части. «Здесь подождите, пока не вызовет вас командир!» – сказал дежурный и доложил командиру о нашем прибытии. В кабинете, куда зашел сержант, дежурный по КПП, раздались громкие слова, не всегда литературные выражения, по правилам ношения формы одежды. Мы стали свидетелями проведения воспитательной работы, как правильно носить ремень. Раздались слова командира: «Вот так должен носить ремень сержант, дежурный по КПП, лицо части!» «Дышать нечем!» – послышался жалобный голос сержанта. «Жопой дыши тогда, легче будет!» – прозвучал уверенный голос командира части. Выйдя из кабинета, вид у сержанта был жалкий: ремень настолько стянул его тонкую талию и растопыренный китель, создавая вид балерины, перед выходом на сцену. «Заходите по одному!» – жалобно произнес он. Володя посмотрел на меня, а я, вспомнив уроки полковника Козловского в штабе округа, громко постучал в дверь. Ждать долго не пришлось, раздался уверенный голос: «Войдите!» Я резко открыл и увидел просторный кабинет. За широким столом сидел майор, а рядом капитан. Оценив обстановку, я строевым шагом четко подошел к майору и доложил о своем прибытии для дальнейшего прохождения службы. По выражению лица я понял, что он остался доволен четкому докладу. Я протянул ему документы, он пригласил меня сесть за стол напротив капитана, который мне представился замом по политической части. Звали его капитан Дышло. Первый вопрос, который мне был задан капитаном: коммунист я или нет. Получив ответ, что я комсомолец, он тихим вкрадчивым голосом произнес: «Ничего! Вступите здесь в партию».

Тем временем майор ознакомился с документами и в приказном тоне сказал: «Будете командовать вторым взводом первой роты, три дня на прием взвода, с жильем и другими бытовыми условиями командир роты вам все покажет и расскажет». Пока замполит заполнял

журнал, командир громким голосом пригласил следующего. Раздался тихий стук, и в кабинет неуверенно втиснулся Володя. Пройдя несколько шагов, путая отмахку рук с постановкой ног и увидев искаженное лицо майора, Володя тихим и неуверенным голосом доложил: «Лейтенант Брежнев для дальнейшего прохождения службы прибыл». В кабинете воцарилась тишина, майор тихо сел на свое место, а замполит капитан Дышло резко встал и стал быстро смотреть то на портрет Брежнева, который висел на стене, то на лейтенанта, и, видно, никак не мог найти сходство между Первым Секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и щуплым лейтенантом Брежневым.

Быстро пришел в себя майор: «Вы что это, родственник или однофамилец?» Увидев замешательство, Володя слегка оправился и произнес: «Не знаю, а что?» Видно, часто задавали этот вопрос, и он уже научился правильно отвечать. Слова ответа ставили в тупик тех, кто задавал этот вопрос. Капитан Дышло, видно, хотел что-то спросить, но у него ничего не получалось, мысли путались в голове от такой неожиданности. Он еще раз посмотрел на портрет Брежнева и на лейтенанта, и, не найдя никакого сходства, ласковым вкрадчивым голосом спросил: «Откуда Вы к нам прибыли?» Получив ответ, что из города Харькова, капитан Дышло стал лихорадочно вспоминать биографию Первого Секретаря ЦК КПСС, и, вспомнив, что он из Днепропетровских мест, впал в глубокое раздумье. Про себя он все давно понял. Перед ним дальний родственник Л. И. Брежнева, который может позвонить родителям, имеющим наверняка родственные связи с Генеральным Секретарем, и все, что творится в батальоне, будет известно в Москве. Наступит конец его карьере, и не видать ему никакой академии. Из мрачного состояния вывели его слова командира, который как будто не понимал, что происходит, и стал разяснять лейтенанту Брежневу, каким взводом он будет командовать. Не находя слов, чтобы выразить недоумение командиру, как он не понимает обстановки которая складывается, какой взвод, о чем говорит майор. Разве может быть лейтенант Брежнев командиром взвода! Поставив задачу, командир произнес: «Приступайте к своим обязанностям!» Сказав «есть», мы вышли из кабинета. Замполит жалобно произнес: «Лейтенант Брежнев, зайдите, пожалуйста, в мой кабинет, он открыт, и подождите меня».

В короткий промежуток времени капитану Дышло надо было довести до командира, который не понимает ту опасность, которая ждет батальон, все донесения, которые он отправляет каждый месяц о состоянии воинской дисциплины – липа, все может вскрыться с прибытием к ним лейтенанта Брежнева. Поделившись этим опасением с командиром батальона, капитан Дышло ждал сочувствие и план дальнейших действий. Но последовали следующие слова командира: «Ни хрена он не родственник Л. И. Брежнева, не похож, жидковат больно на вид, будет служить, как все, и точка!» Замполита эти высказывания возмутили, и про себя он уже не раз ругал командира за его недалечность. «Звоните в Полит Управление Округа!» – приказал командир замполиту. «Пускай те выходят на Главное Политическое Управление в Москве и узнают о родственных связях!»

От таких названий учреждений капитана Дышло пробил холодный пот, но задача была поставлена командиром, и ее надо выполнять. Выйдя из кабинета, замполит, глубоко озабоченный, проследовал к себе, забыв отдать честь знамени части, там его ждал лейтенант Брежнев.

Еще раз посмотрев на портрет Брежнева, который висел у него в кабинете, и на лейтенанта Брежнева, убедился, что-то есть родственное и сходство, если внимательно взглядеться. Разговор между ними не получался, замполит все спрашивал, где лейтенант родился, кто родители и где работает отец. Получив не совсем удовлетворяющие ответы, тщательно записав все данные в свою тетрадь, стал думать о звонке в Полит Управление округа, вежливо попросив лейтенанта Брежнева выйти из кабинета и подождать, пока он поработает с документами. А сам остался один на один с телефоном, который стоял у него на столе и казался ему в этот момент страшным.

Он с трудом поднял трубку и, услышав ответ дежурного телефониста, тут же резко опустил ее. С чего начинать доклад он не знал, продумав, записал его на бумажке, чтобы не сбиться. Набравшись смелости, он еще раз поднял трубку, на коммутаторе привычно ответил дежурный связист, назвав свой позывной, замполит представился и снова положил трубку, разговор будет прослушиваться на коммутаторе, а это допустить нельзя. Решение было принято. Он прошел на коммутатор, грубо попросил связиста покинуть рабочее место. Стал набирать номер Полит Управления округа, на той стороне ответил глуховатый вялый голос. Связь была, как всегда, плохая, и, перекрывая трубку рукой, по всему штабу был слышен крик замполита о том, что к нам приехал служить Брежнев на должность командира взвода. Офицеры и прапорщики, услышав новость, невольно передавая ее друг другу, подтягивались к штабу и с жадностью слушали разговор замполита. На той стороне провода не могли понять, как могли Генсека Леонида Ильича Брежнева направить в какую-то дыру. Все это давало абоненту на той стороне провода возможность подумать, все ли в порядке с замполитом, ведь были случаи в частях, когда требовалась медицинская помощь психиатров, на предмет его вменяемости. В конце концов, на другом конце провода, судя по более спокойной и тихой интонации замполита, начали понимать, в чем дело, и обеспокоенность перешла на ту сторону. Получив задачу с вышестоящего управления, замполит с удовлетворением в лице побежал докладывать командиру части. Выбежав из коммутатора и увидев в штабе посторонних людей, громко закричал: «Всем по местам!» И через некоторое время чуть тише добавил: «Бездельники!» Влетев в кабинет командира, забыв о субординации после разговора с вышестоящим начальством, хотя командир части майор Бриц пытался сделать ему замечание, но замполит, не обращая на это, твердил: «Все отставить! Отставить лейтенанта Брежнева назначать командиром взвода, его будут проверять на предмет родственных связей с Л. И. Брежневым!» И уже более тихим голосом чуть ли не на ухо командиру произнес: «Будут посылать запрос в Главное Политическое управление в Москву, во как!» – и показал пальцем вверх, затем сделал такое выражение лица, что комбат от этого стал почему-то меньше ростом, и в какой-то момент замполиту показалось, что командует батальоном он. Чтобы вернуть власть в свои руки, комбат неуверенно спросил, кто будет командовать взводом вместо Брежнева. Этим вопросом командир опять вернул себе неуверенную власть. «Не знаю», – произнес замполит и добавил, что пока он поступает в его распоряжение. Помолчав некоторое время, командир сжал руки в кулаки и добавил: «Ну, если он окажется не родственником, я его вые... у и высушу!» «Так нельзя, товарищ майор», – осторожно поправил его замполит, я ознакомился с биографией Генсека, оказывается он родом из деревни, где у всех фамилия была Брежнев, представляете, вся деревня, и наш лейтенант может оказаться родословной из этой деревни, нужно ждать ответа из Главпура». «Ну и сколько ждать, мне надо батальоном командовать, а тут хрен знает, кто стоит в строю, то ли родственник, то ли хрен в бушлате!» – замполит заспешил к себе в кабинет, предстояло все обдумать и предложить лейтенанту Брежневу круг обязанностей, которые были бы интересны для него – работа в библиотеке подшивка газет.

В курилке собрались прапорщики, офицеры, вопросы сыпались один за другим, откуда и куда назначили, но больше всех внимание и вопросов было к лейтенанту Брежневу.

– Правда, что ты родственник Брежнего?

На что Володя отвечал стандартно:

– Не знаю, а что?

Тут в разговор вклинился прапорщик Саркисян Сашек:

– А что такого? У меня маршал Баграмян – мой дальний родственник.

– Тоже мне, нашел дальнего родственника! – аж вскрикнул прапорщик Джафаров. – У моей жены дядя с самим Алиевым братья.

Тут не выдержал Армо от такой несправедливости:

– У нас в деревне пять, нет, шесть героев Советского Союза, и все мои родственники.

Многие вспомнили о своих знаменитых родных, незаметно разговор начал переходить различными просьбами и вопросами. Володя, войдя в роль знаменитого родственника, стал от таких просьб теряться, спас его окрик замполита из окна своего кабинета, чему он даже обрадовался и заспешил к нему в кабинет.

Через некоторое время дежурный по части сообщил, что меня ждет командир первой роты капитан Борич, посыльный рядовой Мамедов проводит до роты. Расположение роты было недалеко, в двухэтажной казарме, на первом полуподвальном этаже, куда меня привел посыльный, успев предупредить, что капитан – настоящий зверь. В казарме было темно, дневальный представился, как положено. Все говорило о том, что в роте есть командир, хозяин, который своей волей поддерживает порядок. Кровати были заправлены аккуратно, стрелки отбиты, полосы выровнены, табуретки однообразно стояли ровненько у каждой кровати.

Печка Галанта, покрашенная, находилась посередине казармы. Командир, который всем этим правит, находился в канцелярии роты. Располагалась она в конце казармы. Постучавшись, я попросил разрешения войти и доложил капитану о своем прибытии. Посмотрев на меня оценивающим взглядом, он строго командирским тоном произнес: «С сегодняшнего дня приступаете к приему техники, дел и должности взвода, крайний срок – послезавтра, доложите о приеме!» Он посмотрел на меня строгим оценивающим взглядом, делая круговые движения головой и постукивая ребром ладони о край стола, тем самым подчеркивая свою любовь к контактным видам спорта. Сестр он мне не предложил. Увидев мой взгляд на стуле, громко командным голосом произнес: «Строевые кони отдыхают стоя, можете приступить к приему взвода. Техник взвода находится в автопарке в верхней части городка, найдет самостоятельно. Машины вам предоставит ваш зам комвзвода сержант Заргарян. Он вас ждет в парке!» – четко произнес он. «Жду вашего доклада!»

Сказав «есть», я вышел из казармы и направился в сторону автопарка. Меня встретил сержант, фамилия его была Заргарян. Опередив мои вопросы, сразу стал объяснять: «Я вам, товарищ лейтенант, все покажу и расскажу по приему технике, ведомость дефектов уже готова, так что не волнуйтесь, все сделаю, как надо!»

Я, честно говоря, был приятно удивлен и обрадован расторопному помощнику. Войдя в помещение КПП парка, которое пропахло копотью и гарью от маслогрейки, расписавшись в журнале у дежурного о вскрытии техники взвода, в сопровождении сержанта Заргаряна я пошел в парк, где увидел открытые стоянки, технику, поставленную на колодки, и курилку слева, где сидела небольшая группа прапорщиков и офицеров, с любопытством поглядывая в мою сторону. Я подошел к ним, представился. Получив приглашение перекурить, с удовольствием сел и закурил сигарету. К своему удивлению увидел рядом живого настоящего орла, сидевшего гордо на лавке, правда, привязанного на длинную веревку. Орел яростно терзал своим клювом пачку из-под сигарет «Прима». Видно, красный цвет пачки возбуждал его. Он периодически поглядывал на окружающих его людей, ожидая от них что-то съедобное, а не пустую пачку. Дежурный по парку рассказал, что орел живет уже в парке больше месяца, крыло у него слегка подранено, зовут его ласково Кеша. Услышав знакомое слово, Кеша повернул орлиную голову в нашу сторону. «Есть уже хочет, – произнес дежурный, – пойдем в столовую на обед, надо не забыть взять ему мясо». Услышав эти слова, орел дальше стал с яростью долбить клювом и рвать когтями пустую пачку «Примы».

Сержант Заргарян тем временем нервно прохаживался между машинами, показывая свое нетерпение. Я направился к своей технике. Формуляры и опись инструментов Заргарян заранее подготовил и стал докладывать по каждой машине, добавляя, что можно самим все посмотреть и убедиться, что все в комплекте, недостающий дефицит находится у командира роты в сейфе. Бегая вокруг машины и суется, неожиданно сержант Заргарян обратился ко мне насчет увольнительной. Просьбу его я едва ли мог выполнить. Постарался ему объяснить, что не имею таких полномочий, да и увольнительных у меня нет. Он быстро достал увольнительную с печатью,

и хоть я не ожидал такой просьбы, но делать было нечего, мне не хотелось портить ему первое впечатление о командире взвода.

Я поинтересовался, где живет Заргарян, и, узнав, что рядом, отпустил его, сказав, чтобы к разводу тот уже был на месте. Очередной перерыв был объявлен дежурным по парку по громкоговорящей связи, я подошел к курилке и посмотрел, как кормят Кешу сырым мясом. За этим процессом наблюдал дежурный и дневальные по парку, приговаривая: «Ешь, Кеша, ешь, дорогой!» Распластав крылья, орел справлялся с мясом. Он отчаянно махал крыльями, пытаясь по старой орлиной привычке схватить добычу и унести ее с глаз долой, но этому мешало раненое крыло и веревка, крепко удерживающая его за ногу. Окинув вокруг себя орлиным взглядом, сделав еще одну попытку взлететь, он на минуту затих и принялся с отчаяньем терзать кусок мяса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.